

3. Chantal Contant et Romain Muller *Les rectifications de l'orthographe du français. La nouvelle orthographe accessible*, éditions ERPI et De Boeck, 2009,
4. Dominique Dupriez *La nouvelle orthographe en pratique*, éditions De Boeck Duculot, 2009, André Goosse, Michel Masson, *La « nouvelle » orthographe. Exposé et commentaires* (Duculot, 1991), dans *L'orthographe : guide pratique de la réforme* (éditions du Seuil, collection Points Actuels, 1991),
5. Charles Muller *Monsieur Duquesne et l'orthographe. Petite chronique française 1988-1998* (Conseil international de la langue française, 1999).
6. <http://www.academie-francaise.fr/langue/orthographe/plan.html>
7. www.orthographe-recommandee.info
8. www.nouvelleorthographe.info,
9. www.renouvo.org
10. Dictionnaire de didactique du français : langue étrangère et seconde, CLE international (2003)
11. Dictionnaire de la langue française – le français vu du Québec (Franqus, 2009);
12. Dictionnaire de l'Académie française, 9e édition (en cours);
13. Dictionnaire du français usuel (De Boeck, depuis 2002) ;
14. Dictionnaire Hachette (depuis 2002);
15. Dictionnaire Hachette Collège (depuis 2008);
16. Dictionnaire Hachette encyclopédique de poche (depuis 2007);
17. Dictionnaire Larousse junior (depuis 2008);
18. Le grand dictionnaire des difficultés & pièges du français (Larousse, 2004);
19. Le Larousse des noms communs (depuis 2008);
20. Le Nouveau Littré (Garnier, depuis 2006);
21. Le Petit Larousse illustré (intégration à 39 % en 2009 et liste des mots en annexe);
22. Le Petit Robert (intégration à 61 % en 2009);
23. Multidictionnaire de la langue française (M.-É. de Villers, intégration à 40 % en 2009 et tableaux des formes rectifiées);
24. Nouveau dictionnaire des difficultés du français moderne (J. Hanse, 5e édition, 2005).
25. Banque de dépannage linguistique Questions fréquentes sur les rectifications de l'orthographe. Office québécois de la langue française. www.olf.gouv.qc.ca/.../bdl.html
26. [fr.Wikipedia.org/ Discussion Wikipédia: Prise de décision/ Rectifications de l'orthographe de 1990](http://fr.wikipedia.org/Discussion_Wikip%C3%A9dia:_Prise_de_d%C3%A9cision/Rectifications_de_l'orthographe_de_1990).
27. Ministère de la culture et de la communication. Délégation générale de la langue française et des langues de France. CNRS. Laboratoire de médiévistique occidentale de Paris. Les rectifications orthographiques de 1990. Analyse des pratiques réelles (Belgique, France, Québec, Suisse) Editées par Liselotte Biedermann-Pasques et Patrice Jejcic. Cahiers de l'Observatoire des pratiques linguistiques. № 1, 2006

УДК 81.42/371.3

Бободжанова Л. К.

Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет

**ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ
КАРТИНЫ МИРА В ГРАММАТИЧЕСКОМ СТРОЕ
АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ**

Рассматриваются вопросы, связанные с языковой картиной мира, культурными ценностями, особенностями менталитета, спецификой коммуникативного поведения представителей англоязычной и русскоязычной

лингвокультур. Особое внимание уделяется национально-культурной специфике речевого поведения, которая находит своё выражение в выборе грамматических средств языка при порождении речевого высказывания. Описаны видо-временные системы языков, номинативные конструкции, категории наклонения, рода, артикля, стратегии вежливости.

Ключевые слова: языковая картина мира; язык, лингвокультура; межкультурная коммуникация; коммуникативное поведение; стратегия вежливости; речевые стратегии; грамматические категории; иноязычная грамматическая компетенция.

Как правило, при исследовании языковой картины мира многие ученые, прежде всего, обращают внимание на лексический фонд языка, который выступает как «верхний слой лингвокультуры» [6:123]. Однако он не исчерпывает всех средств, согласно которым проводится национально-культурная дифференциация языковых картин мира. Г.В.Елизарова, ссылаясь на П. Хенле (P.Henle) и М. Холлидея (M.Halliday), а также на многочисленные лингвистические исследования отмечает, что «корреляции между культурными ценностями и грамматическим строем языка менее очевидны, чем корреляции между культурой и лексикой, но более значительны» [4: 57]. Она приводит высказывание Ф. Боаса (Franz Boas), что «набор обязательных грамматических категорий в языке детерминирует те аспекты опыта, которые должны быть выражены. Вне зависимости от того, какую роль язык играет в человеческой мысли и действиях, которые закреплены в грамматических категориях» [4: 57]. Эту мысль разделяет А. Вежбицкая (Anna Wierzbicka), которая, опираясь на исследования Э. Сепира (Edward Sapir), подчеркивает, что концептуализация мира эмоций проводится каждой культурно-языковой общностью по-своему. Сравнивая английский и русский языки, она показывает, как этническая ментальность ярко отражается не только в словарном составе языка, но и в его грамматическом строе. [2: 72].

Понятие языковой картины мира восходит к идеям Вилгельма фон Гумбольдта (Wilhelm von Humboldt), который в своих работах поднимал такие вопросы, как взаимовлияние языка и мышления, различия в картинах мира, национальная специфика языков, роль языка в формировании национального характера, а также к идеям Э.Сепира (Edward Sapir) и Б. Уорфа (Benjamin Le Whorf) и их гипотезе лингвистической относительности, так называемой гипотезе Сепира-Уорфа (the Sapir-Whorf hypothesis), суть которой заключается в том, что «люди видят мир по-разному – сквозь призму своего родного языка, что язык – это не просто инструмент для воспроизведения, он сам формирует наши мысли» [1: 66]. Сторонники данной гипотезы полагают, что «реальный мир существует так, как он отражается в языке: по-разному говорящие люди по-разному смотрят на мир» [там же]. Но если каждый язык отражает действительность только присущим ему способом, то, следовательно, языки различаются своими «языковыми картинами мира» [там же]. В научную терминологическую систему понятие «языковая картина мира (Weltbild der Sprache)» было введено Л. Вайсгербером (Johann Leo

Weisgerber), который сначала вписал картину мира в сам язык, и тем самым сделал ее его фундаментальной принадлежностью, а позднее, соединяя понятия картины мира с языком, вписал его в содержательную сторону языка в целом. «В языке конкретного сообщества, – писал он, – живет и воздействует духовное содержание, сокровище знаний, которое по праву называют картиной мира конкретного языка». [6: 1].

Окружающий мир преломляется в сознании человека через призму культуры, которая в свою очередь основана на индивидуальных восприятиях личности. Языковая картина мира «включает универсальные черты, общие для всего человечества, черты культурно-специфические – некоторую культурную «сердцевину», единую для всех членов социальной группы или общности, а также индивидуальные черты, присущие определенной личности» [6: 121]. Таким образом, на формирование языковой картины мира влияют множество факторов, например, отношение к воспринимаемым объектам, отношение к пространству, отношение ко времени, отношение к деятельности, отношение к личной свободе и автономности личности, отношение к соперничеству, а также непосредственно отражающие условия жизни, обычаи представителей определенной культуры и т.д.

Особенности культуры как совокупности материальных и духовных особенностей народа отражаются в различных культурных картинах мира. Поэтому любое грамматическое высказывание является культурно-обусловленным, так как строится носителем языка на основании различий в их когнитивных структурах. Национально-культурная специфика речевого поведения находит своё выражение в выборе грамматических средств языка при порождении речевого высказывания говорящим. Представители различных национальных культур выбирают для выражения одного и того же смыслового содержания различные структурно-грамматические единицы языка. В своих исследованиях Т.Н. Золотова пытается проследить, как своеобразие грамматического строя влияет на особенности национального мышления, анализирует английский, французский и немецкий языки, которые имеют различную грамматическую структуру. По ее мнению, данные языки различаются по степени сложности, и наиболее простым считается английский, так как у него всего лишь два падежа, два артикля, у существительных присутствуют только категория числа и падежа, при этом отсутствуют падежные и родовые окончания; у глаголов присутствуют лишь окончания прошедшего времени и 3 лица единственного числа. Выделяя грамматический строй в качестве «фактора дифференциации национального мышления», она приводит в качестве иллюстрации следующую цитату: «англоговорящие американцы мыслят стереотипно, часто проявляют эгоцентризм, полагая, что партнер должен руководствоваться теми же правилами, что они сами. Американцы заиклены на жизни своего континента, практически не интересуются жизнью других народов, и при всей своей любви пошутить, делают это, как правило, незатейливо» [1: 60-61].

Для сопоставления особенностей языковой картины мира английского и русского языков, несомненно, больший интерес представляет видо-временная

система английских глаголов, использование номинативных конструкций, использование повелительного наклонения, использование модальных глаголов, категория рода, категория артикля, строго зафиксированный порядок слов в английском предложении и использование отрицания.

При изучении видо-временной системы английских глаголов можно столкнуться с трудностями, указывающими на значительные расхождения в восприятии времени в сознании представителей англоязычных культур. Различия и восприятие времени в английском и русском языках проявляются в видо-временных системах, например совершенные и продолженные в английском, совершенный и несовершенный в русском» [6: 133]. По мнению О.А. Леонтович «с концептуальной точки зрения русская категория вида и английская категория аспекта глагола (Indefinite, Continuous, Perfect) – это проявления глубокого различия количественных и качественных характеристик действия» [6: 140]. Более того, она подчеркивает, что отсутствие в русском языке времени Present Perfect, которое в англоязычной культуре не только способно передавать определенное отношение ко времени, но также несет в себе культурологическую нагрузку, может привести к межъязыковым помехам.[6: 264]. Т.В. Ларина подчеркивает, что смещение временного плана в английском языке является средством снижения прямолинейности высказывания. Использование прошедшего или будущего времени вместо настоящего делает высказывание менее прямолинейным. В данной ситуации «происходит разрыв между действием, названным в высказывании действительностью. В результате интенция говорящего теряет свою актуальность, а действие, которому она побуждает, обязательность исполнения» [5: 71]. Таким образом, знакомство с видо-временными системами разных языков позволяет проследить разнообразие способов передачи категории времени в различных лингвокультурах.

Арутюнова Н.Д. подчеркивает, что «синтаксическую специфику русского языка характеризуют: обилие конструкций с пассивным субъектом, помещение имени лица в синтаксически зависимые (часто локативные) позиции (ср. У меня все дела переделаны), членение жизненного пространства на личные сферы, пространственно-предметный принцип моделирования микромира, развитость категории неопределенности имен, выражения определенности имени пространственными детерминантами, использования системы локальных послелогов для выражения разных видов отношений (в том числе временных), выражение коммуникативного актуального членения порядком слов, субстантивное предложение предикативных значений (На улице мороз; Жара; У мальчика жар; Какая скука; Тоска). Обращения к бытийным предложениям вплотную подводит нас к особенности, отображенной в русскоязычной картине мира или иной терминологии, к когнитивной специфике русского языка» [1: 791].

В своих работах А. Вежицкая, на основе сопоставительного анализа синтаксиса, пришла к выводу, что в основе русского и английского языков лежат «диаметрально противоположные культурные ценности» [4: 57]. Так, согласно данным синтаксической типологии языков, существуют два подхода к

жизни: «можно рассматривать человеческую жизнь с точки зрения того, что «я делаю», т.е. придерживаться агентивной ориентации, а можно подходить к жизни с позиции «что случится со мной», следуя пациентивной (пассивной, связанной с пациентом) ориентации» [4: 55]. Русский и английский языки с этой точки зрения представляют противоположные ориентации. Так, английский язык – это язык агентивной ориентации, а русский – пациентивной ориентации. В английском языке чаще всего все события представлены таким образом, как будто именно мы управляем ими, и все наши ожидания и надежды находятся под нашим контролем, именно поэтому структура грамматических предложений связана с номинативными и номинативно-подобными конструкциями, а пассивность с дативными и дативноподобными.

Таким образом, в английском языке на синтаксическом уровне преобладают номинативные конструкции типа "I recall...", "I believe..." и т.д., а конструкции подобно "It occurred to me that...", "It seems to me that...", "It is impossible for me..." и т.д. играют в английском языке второстепенную роль. В русском языке, наоборот, мир представлен таким образом, что все события происходят помимо воли субъекта и часто не зависят от него. В результате безличные дативные предложения занимают доминирующее положение, а пассивные считаются нормой, более того, в письменной речи их присутствие просто необходимо [4: 58]. Это же мнение подтверждает Линн Виссон, которая указывает, что такие полярные понятия «активная деятельность» и «пассивная созерцательность», «личная ответственность» и «покорность судьбе» отчетливо проступают в грамматических структурах русского и английского языков. Она отмечает, что «английский изобилует сотнями конструкций, в которых подчеркнута выражен активный деятель, но беден неопределенно-личными и безличными выражениями; русский напротив, богат последними» [3: 73].

Структура русского языка тяготеет к безличности и неопределенности, когда не субъект «делает» что-то по отношению к кому-то или чему-то, а, напротив «что-либо делается» по отношению к субъекту [там же]. Таким образом, многочисленные дативные модели типа «Мне не верится...», «Мне помнится...», «Мне кажется...», «Не работается...», «Моросит...», «Придется ли...» в русском языке являются достаточно продуктивными, так как именно таким способом русские рассказывают о своей ментальной жизни, подразумевая, что эти события просто «случаются» в их умах и что они не несут за них ответственность [2: 69]. Данные структуры еще раз указывают на проявление коллективизма русского языка на уровне синтаксиса и подтверждают теорию В.Г.Гака, согласно которой «народы самовыражаются через использование синтаксических конструкций. Более высокая степень развития индивидуализма обуславливает тенденцию начинать свою речь с «Я». Таким образом, тенденция русскоговорящих не выделять себя, подтверждает предпочтение использования «безличных оборотов и конструкций, в которых семантический субъект выражен косвенным падежом» [5: 180].

Необходимо также остановиться на системе ценностей англоязычных культур, так, например, английский эгоцентризм, являющийся важнейшей чертой индивидуалистического типа культуры, объясняет в высказываниях

доминирование личной ответственности за все происходящее. Данное положение четко проявляется в синтаксическом построении предложения, которое имеет определенную структуру: подлежащее, сказуемое, определение. Если сравнить синтаксическую организацию русских предложений с английскими, то очевидно, что в английских предложениях доминирует подлежащее. Причина большого количества русских безличных предложений заключается в том, что подлежащее понятно из контекста и нет необходимости в его спецификации, и это является примером отражения групповой (коллективной) ориентации русской культуры. Например: Мне 25 лет – I am 25; У меня есть машина – I have got a car; Мне холодно – I am cold; Меня предупредили – I was warned и т.д. Эквивалентами русских безличных предложений являются английские личные предложения. Например: Хочется погулять - I'd like to walk / I feel like going to walk; Хочется поесть – I'm hungry I'd like to have a meal.

Другой причиной фиксированного порядка слов в английском предложении является то, что в нем не развита система падежей как в русском, и соответственно нет окончаний, которые бы указывали на отношения между существительными. Именно порядок слов, а не слова или их форма в английском языке выполняет функцию указателя этих отношений и указывает на то лицо или предмет, который производит действие. Например, в русском языке в предложениях «Джон уважает Мэри», «Джона Мэри уважает», «Джона уважает Мэри», «Уважает Джон Мэри», именно окончания покажут, кто кого уважает, в аналогичном английском предложении "John respects Mary" только порядок слов укажет, кто кого уважает [7: 200].

Употребление форм повелительного наклонения в русском и английском языках также указывает на значительные культурные различия. Английские исследователи отмечают, что использование повелительного наклонения «является грамматическим средством, употребление которого может самым разным образом влиять на распределение ролей коммуникантов» [5: 145]. Они считают, что в использовании повелительного наклонения необходимо быть максимально осторожным, так как «употребляя императив, говорящий изначально ставит себя выше своего собеседника, опускает его на более низкую статусную позицию» [там же]. По их мнению, английские коммуниканты, даже обладая властью над слушающим, не используют своего статусного превосходства, не стремятся продемонстрировать его, а, наоборот, пытаются его завуалировать, и избегают прямого воздействия на адресата. Таким образом, с одной стороны они соблюдают принцип равенства, а с другой – демонстрируют уважение к личной автономии собеседника» [5: 5].

В русской коммуникативной культуре, отличающейся «более высокой вертикальной дистанцией, при ассиметричных отношениях в пользу говорящего последний реализует свое статусное преимущество и еще более прямо, чем в просьбе, оказывает воздействие на собеседника» [там же]. Данный факт проявляется в более частом использовании повелительного наклонения. Причины такого разного коммуникативного поведения кроются в разных

социально-культурных отношениях и культурных ценностях. Мы уже упоминали, что автономия индивидуальной личности занимает главенствующее место в иерархии культурных ценностей представителей англоязычной культуры, и согласно этому никто не вправе навязывать другому свою волю. В данной культуре доминируют другие культурные ценности – равенство и уважение личной независимости каждого, что и проявляется в стремлении уменьшить воздействие на собеседника. В противовес этому в русской культуре более высокая дистанция власти и отсутствие зоны личной автономии. Все это позволяет оказывать прямое воздействие на собеседника, особенно во взаимоотношениях вышестоящего и нижестоящего.

Ввиду вышеуказанных факторов, желательность или нежелательность действий в англоязычной культуре формулируется в виде описаний, а не предписаний, как это принято в русском языке. Например, «Не входить», «Не сорить», «Животных не кормить», «Не фотографировать», «Ходить по газонам запрещено», «Стой, вход воспрещен». В английском языке данные предписания предоставляют информацию о том, как принято вести себя в том месте, людям подробно и заботливо объясняют права и обязанности их ведения в обществе. Решение как вести себя всегда остается за человеком и этому даже в тех местах, где устанавливаются жестокие правила, в них присутствуют такие слова, как «воспрещается», «запрещено» и т.д. В данных ситуациях представители англоязычной культуры используют структуры типа "No enter, please", "No photographs, please", "Thank you for not smoking", "This is no parking area", "Please refrain from speaking in this area. Thank you", "Please offer this set to elderly and disabled people", "Thank you for bringing your tray to the point", "Please take all your litter away with you", "Please, keep off the grass. Thank you", в которых выражается скорее «Здесь не курят, если вы не хотите принести неудобство остальным», «Спасибо, за то, что не курите», «Здесь не паркуются», «Спасибо, что вы положили поднос на место» и т.д.

Слова «воспрещается», «запрещено» используются крайне редко и лишь в тех ситуациях, когда они представляют серьезную опасность для окружающих. Например, "Petrol station. Danger. No naked light. Smoking –prohibited", "Warning. Watch for the step down". В английском языке слове «prohibit») воспринимается как вторжение в личную жизнь человека, как навязывание ему своей воли [7: 302-307]. При личных контактах также. соблюдаются данные правила, и таким образом, если они не хотят получать рекламные брошюры или формулируют заказы в ресторанах и кафе, они конструируют фразы типа "No junk mail, please", "No sugar in my coffee, please" [4: 59-60].

Эти ограничения распространяются также и на использование отрицательной формы повелительного наклонения, которая имеет значение запрещения действия. Линн Виссон подчеркивает, что русские негативные конструкции, наряду со словами «нет», «нельзя», «не надо», необходимо при переводе на английский язык подвергать структурной перестройке, для того, чтобы снизить их категоричность. Так, наряду с такими формулами, как "Don't hurry", "Don't worry", "Don't make noise", "Don't forget to take the key", широко употребляемыми являются их утвердительные синонимы "Take your

time", "Take it easy", "Take heart", "Stay calm", "Remember to take the key". Или при переводе предложений, как например, «Здесь нельзя переходить улицу» лучше избегать таких переводов», как "It's not permitted to cross the street here", "here is no pedestrian crossing here" [3: 57-58].

Для русского языка подобные средства замены отрицательных императивов утвердительными менее типичны, чем для английского. Стремление избегать употребления отрицательной формы повелительного наклонения прослеживается в текстах публичных объявлений, что позволяет перевести запрет в инструкцию. При этом использование повелительного наклонения смягчается модификаторами "please", "kindly", «thank you". Например: 1) "Please, keep off the lawn" – "Пожалуйста, держитесь вне газонов", "По газонам не ходить", 2) "Please, knock before opening fitting room doors. Thank you" – "Пожалуйста, стучите перед тем, как открыть двери примерочной" – "Без стука не входить". Возможно и другое объяснение данного явления: предпочтение утвердительных конструкций отрицательным является отражением «позитивного мышления» (positive thinking) или проявлением «коммуникативного оптимизма», одной из особенностей английского коммуникативного поведения. Принимая во внимание – неоднородную семантику подобных высказываний, можно предположить, что оба вышеназванных фактора влияют на то, что представители англоязычной культуры, в отличие от представителей русскоязычной, предпочитают утвердительные конструкции.

Важно обратить внимание, что категория рода свойственная русскому языку, и отсутствующая в английском языке, наделяет все предметы окружающего мира свойствами мужскими, женскими и нейтральными (средний род). Отсутствие данной категории еще раз подтверждает мнение о том, что русский язык обладает большей эмоциональностью [7: 202]. С точки зрения перевода важно помнить, что, так как в английском языке в парадигме английских существительных род не выражен грамматически, неодушевленные существительные и зоонимы соотносятся с местоимением it. Именно поэтому, если же им придется род, то при переводе, как правило, возникают сложности. Например, в русском языке лиса, змея, белка, цапля женского рода, а в английском fox, snake, squirrel, heron мужского рода. [6: 138-139].

Еще одна особенность, подчеркивающая и подтверждающая центральное место индивида в англоязычной культуре, – это категория артикля, которая в русском языке отсутствует. Категория артикля столь же необходима для английской культуры, как категория рода для русского языка. Носитель английского языка «категоризирует мир по такому параметру, как «один из многих» (людей или предметов) или «тот самый», «тот, о котором шла речь», «о котором я знаю». Грамматическая категория артикля в английском языке обязательна и неизменна, она не позволяет указывать на предметы и существа вокруг, без указания на их признак, значимый для менталитета представителей англоязычных культур. Таким образом, категория артикля выражает повышенный интерес языковых коллективов к отдельной личности или предмету. Сложность при изучении русскоязычными носителями английских

артикулей объясняется, прежде всего, различием в подходе к реальности и в восприятии языковой картины мира [7: 274-275].

Индивидуалистическое мировоззрение, основанное на уважении личной автономии, на праве каждого индивида на независимость, особенно ярко проявляется в использовании английских модальных глаголов. Например, такая основополагающая культурная ценность, как автономность личности, может нарушаться неправильным использованием модальных глаголов. Так, не во всех грамматиках английского языка указывается тот факт, что употребление «местоимения 2-го лица в сочетании с модальным глаголом, даже с таким как *should*, указывает на то, что говорящий воспринимает свое положение как позволяющее ему диктовать поведение слушающего» [4: 58].

Для достижения различных коммуникативных целей существует стратегия вежливости, предпочитаемая английскими коммуникантами. Данная теория вежливости получила свое обоснование в известной книге П.Браун (Penelope Brown) и С. Левинсона (Stephen Levinson), «*Politeness: Some Universals in Language Usage*». Авторы данной книги под вежливостью понимают «преднамеренное стратегическое поведение индивида, направленное на то, чтобы удовлетворить собственные желания и желания другого лица (случае угрозы)». Согласно данной теории, у каждого человека существует социальное лицо (*face*). В научный обиход понятие лица, как важнейшей социальной ценности, было впервые введено Э. Гоффманом (E. Goffman). П. Браун и С. Левинсон называют лицо «универсальным понятием, представляющим собой своеобразный социальный имидж, в сохранении которого заинтересован каждый член общества» [5: 61]. В отличие от Дж. Лич (G. Leech), авторы данной теории вводят такое понятие как «угрожающий лицу речевой акт» (*Face Threatening Act – FTA*). Таким образом, речевой акт рассматривается ими как, «угрожающий лицу речевой акт» и, соответственно, в ходе речевой коммуникации «лица» ее участников подвергаются угрозе.

В соответствии с данной теорией, выделяется позитивная вежливость (*positive politeness*) и негативная вежливость (*negative politeness*) [9: 101-129]. «Позитивное лицо вежливости - это озабоченность тем, чтобы окружающие хорошо думали о ней/нем как о вносящем позитивный вклад в общественный порядок. Негативное лицо вежливости оставляет за индивидом право невмешательства в его/ее дела» [4: 70]. Таким образом, для англоязычных культур использование позитивного лица вежливости означает внимание к слушающему, разделение общих точек зрения, демонстрацию оптимизма и т.д. В то время как негативное лицо вежливости направлено на сохранение права на невмешательство и позволяет не выполнять действие и демонстрирует пессимистическое отношение. Например: "I wonder if, "I only want to know", "You might consider doing". Данные стратегии нацелены на социальное дистанцирование, на создание коммуникативных барьеров (по терминологии П. Браун и С. Левинсона "hedges") [9: 145]. Они не допускают сближения и показывают наличие дистанции между собеседниками и таким образом, демонстрируют взаимное уважение, что отвечает ценностям свободы личности

и автономности, собственной ответственности за все происходящее. По мнению П.Браун и С. Левинсона, эти стратегии составляют основу английской вежливости и являются не случайными для культуры, в которой «личная автономия является одной из важнейших ценностей» [5: 48].

Представители русской коллективистской культуры не всегда понимают данные принципы вежливости, так как тяготеют к коллективизму, разделению ответственности и большей прямоте в высказываниях. Для русской коммуникативной культуры, основанной на иных социально-культурных отношениях, оказание коммуникативного давления на собеседника во многих случаях является вполне допустимым и естественным. Данные различия сказываются на предпочтительности используемых коммуникативных стратегий, выборе языковых средств и особенностях синтаксической организации английских и русских высказываний. Наиболее ярко коммуникативная неимпозитивность проявляется при выражении побуждения, когда коммуникант вынужден в той или иной степени оказывать коммуникативное давление на собеседника.

В силу выше названных причин (уважение личной независимости каждого, недопустимость оказания коммуникативного давления на собеседника), представители англоязычных культур при выражении побуждения предпочитают косвенно-вопросительные высказывания прямым, в результате чего эквивалентами русской модели – «Сделай-те это (пожалуйста)» являются равнозначные ей по степени вежливости английские вопросительные модели "Could/Would you do...", являющиеся немаркированными средствами выражения просьбы в английской коммуникации. Например: 1) Скажите, пожалуйста, где здесь автобусная остановка? – Could you please tell me where the bus stop is? (Могли бы вы подсказать мне, где автобусная остановка?), 2) Принесите, пожалуйста, еще чашечку кофе. – Could I have another cup of coffee, please? (Мог бы я иметь еще одну чашку кофе?). Вопросительные высказывания являются предпочтительными не только при выражении просьбы, но и в других речевых актах, как например, в приглашении, где русские предпочитают императивные конструкции. Например: 1) Why don't you sit down (Почему бы вам не сесть?) – Садитесь, пожалуйста. 2) Would you like to come to my birthday party? (Ты бы хотел прийти ко мне на день рождения?) – Приходи ко мне на день рождения. 3) Would you like to come through? (Хотели бы вы пройти?) – Проходите, пожалуйста.

В английском языке вопросительные конструкции также широко употребляются при выражении требований, команд – то есть в тех ситуациях, когда действие, к которому побуждают собеседника, является обязательным для исполнения. Например: 1) Would you like to read, Ann? (Ты хотела бы читать, Анна?), 2) Would you mind repeating that, please? (Ты не возражала бы повторить это, пожалуйста?). Общий вопрос, как известно, предполагает возможность как утвердительного, так и отрицательного ответа, то есть с его помощью здесь создается видимость того, что слушающему предоставляется возможность выбора: реагировать на вопрос утвердительно или отрицательно, совершать

действие или нет. Использование речевой формулы, содержащей семантическую опцию, в ситуации, которая в действительности никакой опции не предполагает, является эффективным средством снижения степени воздействия на адресата. В прагматическом плане подобные вопросительные высказывания являются ни чем иным, как командой.

Для русской коммуникативной культуры подобная стратегия нехарактерна и нетипична. При отсутствии прагматической опции высказывания оформляются при помощи императива, вопросительные конструкции в подобных ситуациях представляются неуместными. Например: 1) *Could I draw your attention to this map please?* (Мог бы я привлечь ваше внимание к этой карте, пожалуйста?) – Посмотрите, пожалуйста, на эту карту. 2) *Would you open your bag, please?* (Вы бы не открыли вашу сумку, пожалуйста?) – Откройте, пожалуйста, вашу сумку. Английские и русские предложения часто отличаются разной субъектно-объектной ориентированностью, что также связано с особенностями культуры, коммуникативного поведения и стратегиями вежливости. Делается ли акцент на субъект (говорящего) или объект (слушающего), зависит от типа речевого акта. Так, при выражении просьбы степень вежливости в английской коммуникации повышается, если акцент переносится со слушающего на говорящего, таким образом реализуется такая стратегия вежливости, как «вывод адресата из дискурса», в результате чего снижается степень коммуникативного воздействия на него: Например: 1) *Could I have the menu, please?* вместо *Could you bring me the menu, please?* 2) *Could I leave a message for her?* вместо *Could you give her a message?* Для русской коммуникативной культуры подобная стратегия нетипична. Русский человек вряд ли почувствует разницу между «Могу я оставить для нее информацию?» и «Вы можете передать ей информацию?».

Приглашая, английские коммуниканты, напротив, строят высказывания с ориентацией на слушающего, делая акцент на его желания и интересы, то есть в высказывании отсутствует говорящий: *Would you like to come to my party?* (Ты бы хотел прийти ко мне на вечернику?); *Are you interested in coming?* (Тебе интересно прийти?). Приглашение подобное русскому «Я тебя приглашаю» – “*I invite you*”, ориентированное на говорящего, в английской коммуникативной культуре представляется слишком прямым и воспринимается как чрезмерное воздействие на собеседника. Прямые и императивные конструкции типа «Приходи ко мне на вечеринку» воспринимаются и вовсе как команда. На вербальном уровне одним из важнейших проявлений неимпозитивности являются строгие ограничения на употребление повелительного наклонения, доля которого в английской коммуникации значительно ниже по сравнению с русской.

Таким образом, можно еще раз подчеркнуть, что использование той или иной грамматической категории знаменует собой различия в национальных языковых картинах мира и свидетельствуют о национально-культурных особенностях на уровне грамматики. К средствам выражения образа мира можно отнести такие грамматические категории как видо-временные

системы (перфектные и продолженные времена в английском языке, и совершенный и несовершенный вид в русском), использование номинативных конструкций, использование модальных глаголов и использование повелительного наклонения. Национально-культурное своеобразие языковой картины мира отражается в использовании категории артикля в английском, как выражения повышенного интереса языковых коллективов к отдельной личности или предмету. Коллективизм и индивидуализм – призваны показать степень, до которой культура поощряет социальную связь в противоположность индивидуальной независимости и опоре на собственные силы. Необходимо также упомянуть строго зафиксированный порядок слов в английском предложении и использование отрицания, которые не в меньшей мере отражают особенности восприятия окружающего мира.

Перечисленные явления так же, как и другие уровни языка, содержат богатую информацию о культурных ценностях, особенностях менталитета, специфике коммуникативного поведения представителей соответствующей лингвокультуры. Все это в совокупности позволяет говорить о многомерности языковой картины мира. Именно поэтому можно предположить, что грамматика и ее строй являются отражением национальной языковой картины мира и отражают особенности культуры не в меньшей степени, чем лексика и, таким образом, занимают важное место в процессе обучения иностранному языку, который в свою очередь тесно связан с процессом изучения иноязычной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека – М.: Языки русской культуры, 1999. – I-ХМ. 896 с.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. Отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В.Падучевой. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
3. Виссон Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. Пер. в англ. Изд. 3-е стереотипное. – М.:Р.Валент. 2005. – 192 с.
4. Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам. – СПб.: КАРО, 2001. – 352с.
5. Ларина Т. В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах: Монография. – М.: Изд-во РУДН, М., 2003. – 315 с.
6. Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: Монография. – Москва: Гнозис, 2005. – 352 с.
7. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – 2-е издание, дораб. – М.: изд-во МГУ, 2004. – 352 с., ил. – (Классический университетский учебник).
8. Языковая картина мира в концепции Л. Вайсбергера. Персональный сайт профессора В.П. Даниленко. Электронный ресурс: <http://old.islu.ru/danilenko/articles/sepirkart.htm>. Дата обращения: 20.11.2013.
9. Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge: Cambridge University Press. 1987. – 387 p.